

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Башилов

ТАШМАТ-БОЛА

Каждый, кто хотя бы немного знаком с историей Узбекистана, испытывает радостное удивление, бывая в городах и кишлаках республики. Этим праздничным чувством встречи с неожиданным окрашены самые разнообразные впечатления. Казалось, столько раз видел и дворцы Ташкента, и нарядные дома колхозников, увенчанные телевизионными антеннами, и новейшую технику на полях,— пора бы воспринимать это как должное. И все же преобразования в жизни народа столь велики, что нельзя оставаться бесстрастным наблюдателем, открывая для себя все новые и новые грани современной культуры Узбекистана.

У этнографа это ощущение роста республики особенно обострено. Изучая быт узбекского народа, он лучше, чем кто-либо другой, имеет возможность убедиться в том, что даже в отдаленных кишлаках перемены сказались не только в появлении благоустроенного жилья, городского типа одежды и предметов фабричного производства, но и в формировании иного уклада жизни, новых обычаев и воззрений. Впечатления этнографа богаче и по другой причине. Социалистическое строительство Узбекистана он видит на фоне экзотической старины, скрытой нередко даже от многих местных жителей. В целом ряде случаев картины исчезнувшей старины могут явиться в своем неповторимом своеобразии лишь этнографу, потому что они таятся в воспоминаниях стариков и перестали быть живой действительностью народа. Конечно, отдельные черты прошлого доступны и глазу неискушенного наблюдателя. Но явственно соприкоснуться с минувшими временами может только тот, кто терпеливо всматривается в следы былых веков, обращаясь к обильному, но вместе с тем сложному и противоречивому историческому источнику — к народной памяти.

Отголоски уходящего в забвенье...

Осенью 1968 г. вместе с ленинградской сотрудницей Института этнографии АН СССР Р. Я. Рассудовой я два месяца разъезжал по Ферганской долине, собирая сведения об узбекском шаманстве. Приходилось выяснять широкий круг вопросов, так как в литературе о шаманстве этого района почти ничего нет¹.

В Средней Азии, в краю, который уже в VIII в. захлестнула волна внедряемого огнем и мечом ислама, еще в первые послереволюционные годы редкий кишлак не имел своего шамана или шаманки. Здесь шаманы были менее яркой фигурой, чем в Сибири; они не облачались в

¹ Материалы о шаманских традициях этих мест имеются в кн.: Л. С. Толстова, Каракаллаки Ферганской долины, Нукус, 1959, стр. 125, 126, 130, 131. Интересные данные приведены в работе: И. М. Джабаров, Некоторые результаты конкретных социологических исследований пережитков ислама в Узбекистане, «Материалы научной конференции „Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного ате-

ритуальный костюм с магическими подвесками, да и на обряды наложил сильный отпечаток ислам. Но от поверий, связанных с шаманской деятельностью, все еще веет далекой стариной. Я листаю свои тетради с записями и вновь переношусь в таинственное царство духов, некогда созданное воображением ушедших поколений.

...Нельзя беспечно бродить в сумерках вдали от села. Это только кажется, что вокруг никого нет. С наступлением темноты выходят на прогулку коварные духи дэвы. Их 13, они шествуют строем, позади хромой, самый злой; он может ударить, и человек лишится рассудка, если останется жив. А на освещенных луной полянах или под густой листвою старых деревьев водят хоровод «желтые девушки». Говорят, что их 40 и у каждой служанка. Они не любят, когда люди мешают им. И если слабое дуновение ветра, вызванного призрачным хороводом, коснется человека, он сойдет с ума или станет угасать от непонятной болезни. Но излечить его можно. Это в силах сделать шаман.

Археолог имеет дело с неживыми остатками минувших эпох, с «тенями прошлого», как любят говорить авторы популярных очерков: этнограф же иногда видит эти тени прошлого во плоти — он беседует с людьми, сохранившими убеждения и предрассудки глубокой древности, наблюдает ритуалы, сложившиеся много веков назад.

Попавшие в руки археолога вещи позволяют понять, в каких домах жил человек тысячелетия назад, чем занимался, что ел, каким оружием сражался с врагами, на кого охотился... Однако духовный мир людей, давно исчезнувших с лица земли, археологу почти недоступен, если под древними рисунками или на культовых предметах нет надписей, разъясняющих, что и зачем изображено. Этнограф в ином положении. Возраст самых старых вещей, которые вынут для него из сундука или разыщут в куче хлама в сарае, как правило, немногим превысит сотню лет. Все реже встречаются дома, простоявшие больше века. Но верования... Это может казаться странным, но многие воззрения и обряды минувших эпох сумели пережить исчезнувшие культуры. Плоды заблуждений ума оказались самым стойким наследием древности, причем проявлялись они в жизни вполне ощутимо. Разве шаман не был осязаемым и зримым памятником поверий седой старины?

Шаманам приписывалась связь с духами. Не с теми, которые вредят людям; кроме «желтых девушек», дэвов и уродливой злобной албасты, где-то невидимо обитают духи пари. Пари неодинаковы в своем отношении к человеку. Есть группы духов, опасных для людей, но большая часть пари заинтересована во внимании человека и склонна ему помогать. Призвав пари, шаман заставлял их победить зловредных демонов и тем самым излечить больного. Рассказы местных жителей дают представление о том, как совершались шаманские обряды.

...В комнате тускло горят светильники — лучины с промасленной ватой на концах. Несколько женщин, затаив дыхание, как замороженные, смотрят на шаманку, которая ритмичными ударами в бубен и заклинаниями призывает духов. «Гюльнар-пари, приди! Мискал-пари, приди!», — раздается ее глухой голос. Женщинам кажется, что они порой видят смутные очертания заполнивших весь дом духов. Больная покорно сидит, покрытая с головой белым покрывалом. Вот удары в бубен становятся чаще, на шаманку страшно смотреть: исступленное лицо, ошалелые глаза, пена у перекошенного рта, конвульсивные движения, бессвязные выкрики, переходящие в тоскливый визг... Этот приступ безумия заразителен, и вскоре все участницы обряда начинают тряситься и завывать в экстазе.

изма". Тезисы докладов», М., декабрь 1968. На основании анкетного опроса 516 человек в трех районах Бухарской, Ферганской и Кашкадарьинской областей И. М. Джаббаров установил, что «к колдуньям и шаманам обращаются 6,2 процента всех опрошенных» (стр. 74); анкеты раздавались только верующим.

...Ритуал приближается к концу. Общее возбуждение спало. Больная кроплена кровью зарезанной курицы. Шаманка вновь берет бубен и привычным жестом бьет по тугой его коже, заставляя звенеть и кольца в ободу. Одна женщина держит в дрожащих от волнения руках тесьму из разноцветных ниток. Она напряженно следит за шаманкой: близится развязка, виновные в человеческих страданиях духи будут наказаны. И когда шаманка, ударив в бубен, выкрикивает: «Пришла рогатая змея, завязывай!», женщина быстро завязывает на тесемке узелок. Это значит, что нехороший дух в образе змеи «связан» и потерял свою вредоносную силу. «Пришел хромой дух, завязывай!», — продолжает шаманка. Со лба у нее падают капли пота, она устала — бороться со злыми духами нелегко.

А легко ли поддерживать хорошие отношения с духами-помощниками, со своими пари? Один бог знает, скольких ей это стоило сил. Не по своей воле избрала она эту необычную профессию. Духи сами явились к ней и повелели стать шаманкой. Она сопротивлялась, плакала, умоляла духов оставить ее в покое, но пари наслали тяжелую болезнь и сломили ее упорство. Лишь пройдя обряд шаманского посвящения и став «бакши»², она выздоровела. Теперь время от времени она готовит для своих пари угощение, запахом которого духи насыщаются. Впрочем, одного запаха им мало: когда шаманка мажет больного кровью животного, пари с жадностью слизывают эту кровь.

Обряд посвящения в шаманы сохранил древние магические запреты. Сведения об этом ритуале собрать труднее всего, потому что немногие совершали его. 40 дней полагалось сидеть начинающему шаману в темной комнате своего дома, ни с кем не общаясь, кроме учителя-шамана, который изредка заглядывал к нему. Еду ему передавал кто-нибудь из домашних. На улицу посвящаемый мог выйти ненадолго только ночью, и то накрывшись с головой халатом. Все 40 дней духи были постоянно рядом с ним...

Шаманство, бесспорно, вредный пережиток прошлого, и надо стараться, чтобы последние остатки его окончательно исчезли из быта. Но это явление, ставшее чуждым современному обществу, для этнографа имеет и другую сторону. Для исследователя это драгоценный документ, повествующий о далеком детстве человечества. Этот документ говорит не только о наивных ошибках незрелого ума, начинающего познавать окружающий мир, но и о мужестве первобытного мыслителя. Создав себе воображаемых врагов, он изобрел и средства борьбы с ними — средства призрачные, как и угрожавшие ему силы, — но он не смирился, не пожелал чувствовать себя беспомощным! Если отвлечься от оценок наших дней, шаман предстанет перед нами как трагическая фигура древности, осужденная всю жизнь служить покровителям-духам, чтобы с их помощью охранять здоровье и покой соплеменников. Конечно, шаманы, как и прочие посредники между людьми и миром духов, умели извлекать и немалую пользу из своей роли. Однако все же вплоть до недавнего времени шаманство дошло не благодаря шарлатанству и обману, а благодаря глубокой экзальтированной убежденности в своем призвании людей, озаренных видениями духов.

Я перелистываю полевые тетради, вчитываюсь в записи. Где только не были услышаны эти рассказы! И в узбекском доме за пиалой чая в окружении благоговейно сопящих ребятишек, и в тряском пыльном автобусе, и в шалаше сторожа среди желтеющих яблонь, и на шумном андижанском базаре, и на каменистой горной тропе, ведущей к святыням Арсланбога. За каждым рассказом — разные люди. Одни говорили о шаманах с глубокой верой, другие с откровенной насмешкой. Вот

² Так называют шаманов и шаманок в Ферганской долине, в бассейне Зеравша.

неоконченная запись. Это рассказ сельского парикмахера, который сам вступил в разговор и проявил незаурядное знание предмета. За полчаса он сообщил много интересного, даже намекнул, что его отец был каким-то образом причастен к шаманским обрядам, затем вспомнил о делах, обещал увидеться вечером и не пришел. Я пытался поймать его несколько дней, но он явно избегал встреч, видимо, сожалея о первом порыве откровенности.

А вот другая запись — обстоятельная, на нескольких страницах. За ней следует перечень моих вопросов к рассказчику и его ответы. Я вспоминаю небольшую колхозную гостиницу, скрытую в зелени виноградников. Целый вечер сидел со мной тихий пожилой плотник, подробно объясняя, как он лечился у шаманки. Наутро я перечитал записанное и нашел неясными некоторые места. И снова целый вечер восстанавливал он в памяти детали церемониала; он говорил отчетливо, намеренно медленно, чтобы я лучше понимал его. Он осуждал шаманство, но не потому, что не верил в духов. Нет, шаманка запретила ему, совершая жертвоприношение духам, произносить мусульманскую формулу «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха...»), и он понял, что шаманство несовместимо с исламом. Он швырнул в сторону тарелочку, на которой должен был отнести в укромный уголок к старой садовой ограде лепешки и деньги для духов, и отказался лечиться. И все же от встреч с шаманами у рассудительного плотника осталось недоумение: почему все шаманы, к которым он обращался, в один голос говорили ему одно и то же — болезнь ног вызвана джинами, приставшими к нему после смерти его матери?

Беру другую тетрадь. На первой странице всего несколько строк. Перед глазами встает чайхана в большом селе. Колхозник средних лет ругает одноглазого шамана, гастролировавшего в районе. Шаман уверил его, что пропавшую корову кто-то украл и зарезал на мясо, а она на другой день нашлась. Дело было давно, но в голосе собеседника все еще звучит обида на себя — как же можно было поверить этому отъявленному проходимцу? — и он громко произносит оскорбительные слова, как бы желая, чтобы шаман услышал их. Вот еще совсем короткая запись: молодой хлопкороб со смехом изображает в лицах, как он лет пять назад прогнал из своего дома суетливую старуху, расположившуюся было погадать... Энергичный парторг одного из колхозов, убедивший свою дальнюю родственницу навсегда расстаться с шаманским бубном... И наконец, в памяти всплывает чем-то поразившее меня лицо: короткая борода, насмешливая улыбка тонких губ, быстрый и в то же время какой-то отрешенный взгляд — так, наверное, должен смотреть человек, познавший страшные своими откровениями неземные тайны. Это старик шаман Ташмат-бола, необычная личность, своего рода уникальный экземпляр... Я услышал о нем совершенно случайно.

Тот, кому приходилось работать «в поле», знает, что бывают дни, когда с утра до поздней ночи нельзя передохнуть, ты в центре общего внимания. Один старик устает и уходит домой, но тут же подсаживается его сосед, затем чуть ли не насильно тебя тянут в другой дом. И ты записываешь, расспрашиваешь, рассказываешь сам — ведь собеседники хотят знать, есть ли у тебя дети, как велика зарплата, нельзя ли выслать из Москвы отрез волнующе модного темно-бордового панбархата.

В тот раз нам выдался исключительно насыщенный встречами день. Старики, сменяя друг друга, с утра сидели в комнате, выделенной для нас председателем колхоза. Из-под ватных халатов доставались портсигары, в комнате витал сизый дымок. Я обессилел от многих часов непрерывной беседы. Да и спутница моя была совсем на пределе. Она еще смеялась, удивлялась, спорила, что-то доказывала, что-то выясняла и заполняла блокнот, а я сдался. Говорить (и не просто говорить) целый день на узбекском языке, который я только начал осваивать! Голова

гудела. Я вышел на крыльцо, мечтая побыть наедине с собой. Садилось солнце, и воздух, который я жадно вдохнул, был свежим.

— Как успехи? — раздался сзади приветливый голос. — Услышали что-нибудь интересное от наших стариков?

Это колхозный бухгалтер тоже вышел из комнаты подышать вечерним воздухом ферганской осени. Нескольким общим фраз его не удовлетворили. После сиденья над бумагами он, видимо, нуждался в хорошем разговоре с живым человеком. Он хотел знать досконально, в чем состоит наша работа. Пришлось объяснять. Розу Якубовну интересуют земледелие и общинные традиции, я же занимаюсь больше всего религиозными верованиями, в частности шаманством.

— Шаманством?

— Да.

— А зачем это нужно государству?

Он так и сказал: «государству». Ладно... Ведь он сам знает по рассказам стариков, что в старину шаманы оказывали огромное влияние на народный быт. И так как мы, этнографы, хотим лучше понять жизнь минувших столетий (хотя бы для того, чтобы правильнее оценить сегодняшний день), нам надо хорошо знать и шаманство.

Бухгалтер молча кивает головой и щурит глаза, видимо, обдумывая новый вопрос. Чтобы поддержать разговор, спросил и я — на всякий случай:

— А вы сами когда-нибудь видели шамана?

Ответ был неожиданным:

— А как же! Даже совсем недавно. Старика Ташмат-бола, в райцентре. Смех! Идет, и все оглядываются: он в женском платье.

(В женском платье! Не ослышался ли я?)

— Нет, мы все его знаем!

Подошедшие к нам колхозники тоже не раз видели этого старика. Он живет в соседнем колхозе и время от времени действительно появляется в районном центре, заходя в магазины. На нем женская одежда, да и манеры не мужские...

Память мгновенно связывает услышанное с известным по книгам: сибирское шаманство; женоподобные шаманы, изменившие своему полу настолько, что их взяли в «жены» соплеменники; странное явление, названное превращением пола, или травестизмом; отклонение от биологической нормы, объясняемое в верованиях вмешательством потусторонних сил, принуждением духов, которые якобы хотят, чтобы мужчина расстался с признаками своего пола; сопротивление воле духов бессмысленно — оно приносит страшные мучения и даже смерть...

— Он всегда в женском платье? — расспрашиваю я. — Как он объясняет это? И что значит «женские манеры»?

Но толком ничего узнать не удастся. Все видели старика лишь мельком, на улице, и не интересовались его персоной.

— Он живет недалеко отсюда, в Гава. Уж там-то вам все про него расскажут. Поезжайте туда.

Еще бы! Ведь это редчайший случай. Даже в начале нашего века считали, что превращение пола чуждо шаманству тюркоязычных народов. Правда, уже есть два-три замечания о ношении женского платья шаманами Средней Азии, но настолько краткие и скудные, что руководствоваться ими трудно. Нельзя упускать такую прекрасную возможность прояснить вопрос. А если обнаружатся новые свидетельства связи среднеазиатского шаманства с сибирским?

На следующий день мы уже шли по незнакомым улицам вдоль глиняных заборов усадеб. Кишлак Гава Чустского района (Наманганская

¹ См. А. Н. Максимов, Превращение пола, «Русский антропологический журнал», 1912, № 1.

область). Типичное селение ферганских предгорий: большие дома и рдяно-золотые сады, спускающиеся по склонам холма к узенькой речке; шум потока среди валунов; удивительно чистый воздух. Яркие пятна опавших листьев на земле; печальное торжество осени.

Председатель сельского совета, сорокалетняя спокойная Хадича, готова оказать любую помощь. Но дела подождут, сейчас как раз время перерыва. Мы сидим, скрестив ноги, у нее дома на коврах за невысоким узбекским столиком. Очень милая и приветливая женщина. Ей тоже хочется знать, что привело далеких гостей в их кишлак. Говорим об интересующих нас вопросах: традиционное земледелие и связанные с ним обычаи, шаманство... Внезапно выражение ее лица показывает, что допущен крупный дипломатический просчет.

— Шаманство? У нас в селе этого нет. Ташмат-бола? Я с ним незнакома.

И сколько мы потом ни объясняли ей смысл нашей работы, настороженность не покидала ее. Как уже потом объяснила Хадича, ей не было понятно, как распорядятся полученными сведениями гости. А вдруг напишут критическую статью в областную газету, и на репутацию ее колхоза падет тень?

— Нет, я ничего не слышала о шаманстве.

Так же ответила и хитрая старуха, к которой повела нас Хадича, успев как-то подготовить ее. И тем не менее к вечеру я услышал много интересного о шамане.

...Семидесятилетний Мирахмад-ака рассказывает о своей трудовой жизни. Он потомственный крестьянин, отличный знаток прадедовских заповедей земледельца. Еще мальчиком он сопровождал в поле отца, подростком впервые взялся за ручку плуга. Записываю все: и какие сеяли культуры, и каким был полный цикл полевых работ, и какими обрядами сопровождался труд землепашца. Это не хитрость, задуманная для того, чтобы старик привык ко мне. Нет, в Москве придется отчитываться и по этой теме. Но и начинать разговор лучше всего с вещей, интерес к которым каждому понятен.

Лучи солнца скользнули в окно и заиграли бликами на вышитой тюбетейке старика, на загорелом белобородом лице. Часы на стене заскрежетали, пробили пять раз. Вот уже больше часа сидим мы вдвоем в одной из комнат дома Мирахмад-ака. Дальше тянуть нельзя: старик может устать и тогда весь остальной разговор будет скомкан.

Приступаю к главному вопросу:

— Был ли в годы вашей молодости в селе врач?

— Ну, что вы! Конечно, нет.

— А кто же лечил болезни?

— Плохо с этим было. Два-три человека умели выправлять вывихи и переломы. Был старик — я о нем только слышал, который травами лечил и пищей. Да, да, пищей. Каждая еда — своего рода лекарство: надо лишь знать, при какой болезни что давать больному. Если простая болезнь — простуда и расстройство желудка — тут и знахарь не нужен, многие люди знают, как лечить...

Цепкая память старика хранит много рецептов народной медицины.

— А как лечили сумашествие, психическое расстройство?

— Никак не лечили. Разве это вылечишь?

— И даже попыток не делали?

— Нет.

— Странно... По всей Ферганской долине в таких случаях прежде обращались к бакши, верили, что от этого будет польза...

— А! Бакши и у нас были.

— Мужчины, женщины?

— В других местах чаще женщины, а у нас и мужчина... был.

— Он одевался так же, как все?

Старик внимательно посмотрел на меня, начиная догадываться, куда я клоню.

— Не носил ли он женскую одежду?

Мирахмад-ака еще колебался:

— Да, такой шаман был.

— Ташмат-бола?

Теперь мы оба широко улыбались. Это означало, что достигнуто полное взаимопонимание. Мирахмад-ака доверительно наклонился ко мне. Оказывается, необычный шаман приходится ему свояком. И хотя вот уже сколько лет он знает Ташмата, он не перестает удивляться странностям этого человека.

Ташмат рано стал сиротой. Единственный сын богатых родителей, он пяти лет лишился отца, а шестнадцати лет — матери. Собственно говоря, все чудачества сводятся к тому, что Ташмат-бола с юных лет в некоторых своих поступках намеренно стремился подражать женщинам. На празднествах он предпочитает женское общество и даже в шутиливом песенном состязании «ёр-ёр» выступает на женской стороне. Усвоил женскую походку и манеру говорить. Ругается по-женски. Здоровается и прощается по-женски (у узбеков рукопожатие европейского типа принято только в мужском кругу, а женщины, встречаясь или расставаясь, прикасаются ладонями обеих рук к плечам).

— Он был женат?

— Да, и дети есть: два сына и две дочери.

— А легко ли было ему с его странностями найти жену?

— Никаких трудностей. Ведь он женат четвертый раз: первые две жены умерли, а с третьей он разошелся, оставшись ею недоволен. На старика трудно угодить.

— Почему же он носит женское платье?

Мирахмад-ака наклонился ко мне еще ближе:

— Так требуют его духи, пари. Они присоединились⁴ к нему, когда он был еще подростком⁵. Ташмат болел, его отвели к шаманке, и она благословила его на занятие шаманским делом. Духи Ташмата не любят мужской одежды. Если он наденет мужскую рубашку и подпоясается, то духи ночью будут его душить....

Старик взял себя за ворот рубашки и показал, как это произойдет.

— И вот еще что интересно: Ташмат получил мусульманское образование и мог бы в свое время стать муллой, но духи строго-настроено запретили ему это.

Я не мог отделаться от впечатления, что вдруг очутился в забытом прошлом... Царивший в комнате полумрак усиливал ощущение чего-то нереального. Но вот явился с работы сын старика, тракторист, решительный и веселый, зажег свет («зачем сидеть в темноте?») и в один миг разрушил призрачный мир угасающих суеверий. Он переоделся, включил телевизор, сел с нами, выразительно посмотрел на меня, показывая на стоящую в стенной нише бутылку водки («Нет? Не может быть!») и засыпал нас рассказами о колхозных новостях. Он не сумел скрыть, что мои интересы искателя старины не вызывают у него большого уважения, но неожиданно внес и свою лепту, убежденно сказав:

— Всякие духи — это, конечно, ерунда, но вот музыкант он великий. Как Ташмат-бола пел на моей свадьбе!

Старик-шаман был достоин того, чтобы потратить на него время. Он сохранял в своей деятельности черты, уже утраченные среднеазиатским

⁴ Дословно: «притронулись пари» (пари тегипти). Хотя настоящее название духов шамана — пари, в разговорной речи чаще употребляются другие термины (муаккал, аджна, одамлар и т. д.).

⁵ Неясно, когда Ташмат заболел «шаманской болезнью». Одни считают, что ему было в то время семь лет, другие отодвигают это событие до 20—25-летнего возраста.

шаманством и восстанавливаемые лишь по отдельным деталям народных верований.

Так, некогда шаман был одновременно и певцом и музыкантом. Об этом говорит, в частности, музыкальное сопровождение в шаманских обрядах, объясняемое любовью духов к музыке: только под звуки любимых мелодий придут духи на помощь к шаману. А в верованиях туркмен духи шамана рисовались и тонкими ценителями поэзии — они предпочитали песни на стихи Алишера Навои. У шаманов и певцов в некоторых местностях был общий святой-покровитель⁶. Сходство названий народного певца (бахши) у туркмен и шамана у казахов, киргизов и некоторых групп узбеков (баксы, бакши) можно объяснить только тем, что прежде этим словом назывался и певец, и шаман, объединенный в одной фигуре. Как давно это было? Видимо, еще несколько столетий назад. Во всяком случае, термин «бакши» в значении «шаман» появился в языках народов Средней Азии после монгольского нашествия. Более ранние источники знают тюркское название шамана «кам»⁷. В средневековье музыка, поэзия и пение стали отходить от шаманства, потеряв вскоре с ним ясную связь. И вот — Ташмат-бола. Он не только шаман, но и главный музыкант села. Несколько десятилетий подряд односельчане на празднествах пели и плясали под звуки его бубна. Юношей Ташмат выучился играть на бубне и стал непременным участником каждого праздника в своем кишлаке. В молодости он и танцевал под собственный аккомпанемент, с возрастом стал ограничиваться лишь игрой на бубне и пением. Еще сравнительно недавно Ташмат любил дни, когда колхозники отвозили хлопок в районный центр. Он ехал вместе со всеми на машине и пел, играя на бубне, чтобы создать у людей приподнятое настроение. Сейчас у старика силы не те — ведь ему свыше 80 лет (1886 года рождения), и роль первого музыканта перешла к одному из его сыновей.

Следующий день прошел в беседах со стариками, подтвердившими то, что говорил Мирахмад-ака, и рассказавшими кое-что новое. Я выслушал также грустный рассказ немолодой женщины, которую много лет назад Ташмат безуспешно пытался излечить от болезни ног.

Под вечер мы встретились с Рассудовой, чтобы пройти по кишлаку и отдохнуть. Село готовилось окончить трудовой день. По улицам женщины гнали домой пахнущих молоком коров. Трубы курились сладковатым дымом горячей арчи. Пожилой узбек сидел на скамеечке у ворот, наблюдая за игрой ребятишек. Он с удовольствием ответил на наш поклон: в селениях Ферганы еще в силе старинный обычай здороваться и с незнакомыми людьми.

— Ну, как ваши успехи? — полюбопытствовала Роза Якубовна.

— Спасибо. Хорошо бы еще кое-что проверить.

С тех пор как моя собственная память не раз давала осечку, я особенно ясно понимаю, что и рассказы наших собеседников — далеко не всегда надежный источник. Недаром издавна принято «в поле» расспрашивать об одном и том же разных людей. Если ответы совпадают, можно надеяться, что сведения по крайней мере не искажены ошибками, связанными с особенностями памяти отдельных рассказчиков.

— Не хотите ли побеседовать с симпатичной старушкой, которая идет нам навстречу? — спросила Рассудова.

— Но... Так сразу...

— Хотите?

— Хочу.

⁶ Подробнее см. В. Н. Б а с и л о в, Культ святых в исламе, М., 1970, стр. 62, 63.

⁷ Подробнее см. С. Г. А г а д ж а н о в, Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк), «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 183.

Рис. 1. Ташмат-бола охотно позирует один

кормила? Хадича улыбнулась своей спокойной улыбкой: таков обычай гостеприимства.

В большом расписном блюде дымился великолепный плов. Председатель колхоза, высокий плотный мужчина в кителе военного покроя и легких брезентовых сапогах, сам давно интересовался историей родного края и оказался прекрасным рассказчиком. Роза Якубовна тут же сделала несколько беглых замечок в блокноте.

— Приобрели ли вы что-нибудь для науки в нашем кишлаке? — спросил председатель.

Рассудова объяснила, что своеобразная система орошения в этих местах дает много для изучения истории земледелия. Кроме того, ей удалось отметить здешние варианты одного обычая, происхождение которого она давно пытается понять.

— А вы? — вопрос обращен ко мне.

Я неожиданно для самого себя созорничал:

— А я виделся с Ташмат-бола. Старый шаман был очень любезен и рассказал о духах пари, которые вынуждают его поступать не так, как все...

Я вкратце изложил услышанное за два дня. Эти слова вызвали необычайное оживление. Председатель колхоза ударил себя ладонями по коленям и долго смеялся, а Хадича, преодолев первое изумление, принялась описывать, как прекрасно танцевал когда-то старик: он ставил на ладонь пиаду, полную воды, и затем, танцуя, выгибал руку за спину, не пролив ни капли. Мы поговорили о силе внушения, которой единственно можно объяснить случаи выздоровления больных после шаманского сеанса, а также признали, что в наши дни шаман в узбекском кишлаке — редкость. Мы обсудили странности Ташмата и поделились мыслями о том, как причудливо переплетается порой в жизни новое со старым: шаман одним из первых вступил в колхоз и с тех пор

И Роза Якубовна прибегла к одной из таких уловок, на которые способен лишь женский ум. После обычных приветствий она спросила старушку, глядя на нее широко открытыми невинными глазами:

— Бабушка! Мы люди приезжие, и понять не можем: что это у вас здесь такое? Идет по улице старик в женском платье. Здоров ли он?

— А! Так то шаман.

И я вновь услышал рассказ о духах, желающих видеть своего избранника в женском одеянии.

Пока мы бродили по кишлаку, Роза Якубовна применила свою хитрость еще два-три раза, а я воспользовался ею немного позже.

Хадича накормила нас у себя дома вкусной шурпой, а затем сообщила, что председатель колхоза хочет с нами познакомиться и зовет на плов. Мы бурно возмутились: зачем она нас

дейтельно участвовал во всех колхозных работах. Он был одним из строителей Большого Ферганского и Керкидонского каналов. Занятый, как и другие люди, на земляных работах, он во время перерывов развлекал строителей пением под аккомпанемент бубна. Ташмат не был типичным представителем своей профессии...

Перед уходом я извинился за свою шутку и сказал, что желал бы на самом деле увидеть старого Ташмат-бола. Возможно ли это?

— Устроим,— ответила Хадича.— Завтра утром я вызову его в сельсовет.

И вот, поживаясь от утренней прохлады, я стоял под огромной чинарой неподалеку от сельсовета и наводил объектив фотоаппарата на тропку, по которой должен был вскоре пройти шаман. Хорошо бы снять его незаметно. Кто знает, как он отнесется к фотографированию? Внезапно в окошечко аппарата я увидел худощавого старика в женском платье и едва успел нажать кнопку спуска⁸. Быстрым шагом, слегка наклонившись вперед, старик прошел к зданию сельского совета.

Через минуту мы сидели вместе за столом, и Хадича представила Ташмату нас — этнографов из Москвы и Ленинграда, интересующихся узбекской стариной. Шаман согласился рассказать о себе. Живой, с насмешливым выражением лица, с уверенными движениями, он, видимо, привык быть в центре общего внимания и держал себя свободно и непринужденно. Я поймал себя на том, что до неприличия откровенно разглядываю старика. Наверное, так же смотрел бы зоолог на динозавра или птеродактиля, встретив его в Измайловском парке. Я не мог отделаться от впечатления, что вижу живое ископаемое, выходящее из иного мира. Тюбетейка покрывала бритую голову шамана, под улыбочивым ртом начиналась аккуратно подстриженная борода, но этим и ограничивались доступные глазу признаки мужского пола. Старик предстал перед нами в платье из голубого с цветочками крепдешина, длиной чуть ниже колен, с воротником «стойкой», характерным для традиционного покроя узбекской женской одежды. Воротник был застегнут на пуговицы. Из-под платья виднелись штаны, сшитые из темно-синей материи в белый горошек — расцветки, не принятой для мужской одежды. Костюм дополняли галоши, надетые на босу ногу. (Носки и сапоги, по словам местных жителей, Ташмат не носит даже зимой. Пояс — этот важный элемент мужской одежды — он отвергает. Раньше Ташмат не подпоясывался и тогда, когда надевал халат, но за последние годы сыновья почти силой заставили его соблюдать приличия и повязывать поясной платок поверх халата. По рассказам, Ташмат уступил с большой неохотой).

Когда зашел разговор о его профессии, Ташмат сказал: «Я — музыкант» и запел веселую песню, отбивая рукой такт по зеленому сукну сельсоветского стола. Его пение, неожиданное в официальном учрежде-

Рис. 2. Ташмат-бола и Хадича

⁸ Фотография получилась невыразительной, и здесь представлены другие снимки.

нии, вызвало у всех улыбки. Из шкафа вытащили и дали ему в руки бубен, с которым я поспешил вывести его на улицу фотографироваться. Шаман охотно позировал один, затем был снят вместе с группой односельчан. Встреча была недолгой. Старик попросил разрешения уйти: дома его ожидали гости. Он прикоснулся руками к плечам Розы Якубовны и к моим; я сверх того удостоился и поцелуя в лоб. Затем он поклонился, широким артистическим жестом прижав руки к груди. У ворот обернулся и снова наградил всех столь же картинным поклоном.

Как нам сказали, старик уже несколько лет не «лечит». Я не спрашивал его о шаманской практике, зная по опыту, что это бесполезно: первому встречному об этом не рассказывают. Роза Якубовна все же решилась проследовать за стариком домой и попросила его погадать. «Я этим не занимаюсь, доченька», — кротко ответил Ташмат. «А почему вы в женском платье?» — «Так мне нравится». Однако Рассудова не могла допустить полного поражения и вернуться ни с чем. Она оставила Ташмата только после того, как узнала, что в его гардеробе имеются также платья белого и красного цвета.

* * *

Судя по рассказам, способы шаманского «лечения» Ташмата обычны для шаманства Ферганской долины. О том, каким путем лечить больного, бакши узнавали при помощи гадания (пол караб, рум куриб). В пиалу с водой бросался кусочек ваты, движения которого по поверхности воды служили необходимым указанием. Окончив гадание, шаман говорил, что нужно сделать. При «излечении» серьезных болезней Ташмат-бакши устраивал камлание с неперменной игрой на бубне. Перед началом ритуала он зажигал для духов светильник (чироқ) — стебель тростника с наверху из красного, белого и черного лоскутков материи, смоченных в масле. В некоторых случаях резали курицу, и шаман своей рукой мазал больного ее кровью, а затем заставлял его прижимать окровавленную курицу к сердцу до тех пор, пока она сохраняла тепло. Курицу потом отдавали собаке (есть сообщения, что бакши мог забрать ее и себе). Для лечения очень тяжелых болезней шаман предписывал резать барана или козу. Одним из элементов обряда было завязывание узелков (банд) на нитке. Бубен мог заменяться венчиком (хипчин) из таловых прутьев. Вместе, в одном сеансе, бубен и венчик не применялись.

Нет ничего особенного и в объяснении причин странностей Ташмата. Убеждение, что поступки и слова шаманов внушены им духами, было широко распространено в Средней Азии. Однако сама фигура старика-бакши необычна.

Выходец из среды узбеков, утративших родо-племенное деление и знавших лишь традиционное противопоставление почитаемого духовного сословия ходжей и «простонародья» (пукора), Ташмат сохранил чрезвычайно архаический облик шамана. Во-первых, он соединил в себе функции и колдуна-врачевателя, и певца (что характерно для древних этапов развития шаманства); во-вторых, одеждой и некоторыми особенностями поведения он с юности стремился походить на женщин. Видимо, этим вызвано и его прозвище Ташмат-бола («бола» — дитя, ребенок). Этот случай частичной феминизации можно истолковать как отголосок шаманского трансвестизма (превращения пола).

О трансвестированных шаманах в Средней Азии мы знаем по предельно кратким сообщениям А. Н. Самойловича, Ю. В. Кнорозова, К. Л. Задыхиной. Случай, описанный К. Л. Задыхиной, вообще сомнителен: окружающие считали одетого в женское платье шамана гермафродитом*. Шаманы, упоминаемые Ю. В. Кнорозовым, надевали женскую одежду

* К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 413.

ду на время сеанса¹⁰. Для проведения обряда облачался в женское платье и шаман, о котором К. Ниязклычеву и мне рассказывали туркмены-човдуры¹¹. А. Н. Самойлович, наверное, видел шамана, носящего женскую одежду постоянно. Сам А. Н. Самойлович не сообщает, при каких обстоятельствах встретился с шаманом¹², но если бы он присутствовал на сеансе камлания, он упомянул бы об этом хоть в двух словах.

Фотоснимок этого шамана (туркмена, узбека?) тоже как будто свидетельствует о повседневном употреблении женской одежды: А. Н. Самойлович сфотографировал старика на улице, на фоне дома. Однако, как видим, все здесь весьма неопределенно. Среди туркмен-човдуров я слышал рассказы о шамане узбеке, жившем в окрестностях г. Ташауза, который будто бы неизменно ходил в женском платье, но и эти сведения нуждаются в проверке. Таким образом, Ташмат-бола — первый шаман, о котором мы точно знаем, что он не расставался с женской одеждой никогда.

До сих пор не было известно, как объясняют народные верования ношение женского платья шаманами. Сибирские материалы позволяли ожидать, что и в Средней Азии могут сохраняться представления о сексуальной связи травестированных шаманов с духами мужского пола. Это было бы даже закономерно, если учесть, что вера в возможность сожительства обычных шаманов с избравшими их духами противоположного пола широко была распространена в Средней Азии¹³. Но в рассказах односельчан Ташмата этой идеи нет. Духи Ташмата — женщины (об этом говорят их имена, которые Ташмат упоминает в своих призываниях, — Гюльнар-пари, Мискал-пари, Зиннар-пари)¹⁴, и они хотят, чтобы Ташмат внешне походил на них. (Кстати, так же объясняют смысл переодевания шамана в женское платье на время сеанса и старики-човдуры). Видимо, в случае с Ташматом иного истолкования и быть не может: в супружеской жизни он не изменил природе и отнюдь не проявлял каких-либо признаков мужской неполноценности.

Однако, по сибирским этнографическим материалам, травестизм был связан не только с верой в избранничество духа того же пола. В частности, чукчи и коряки считали, что шаман «теряет свою личность и становится личностью того духа, который в него вселился»¹⁵; значит, мужчине-шаману следовало принять вид женщины, если избравший его дух был женского пола. Для Средней Азии не типично представление о вселении духа, дух просто находится рядом с шаманом; во всем же остальном объяснения односельчан Ташмата перекликаются с воззрениями сибирских народов. Следовательно, наш материал полностью сопоставим с уже известными сведениями о ритуальном превращении пола.

Вряд ли следует думать, что обнаруженные в Ферганской долине следы угасающей традиции шаманского травестизма указывают на сибирские корни среднеазиатского шаманства. По ряду других данных связь

¹⁰ Ю. В. Кнорозов, Мазар Шамун-Наби. «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 96.

¹¹ В. Н. Басилов, К. Ниязклычев, Пережитки шаманства у туркмен-човдуров, «Домусульманские верования и обряды у народов Средней Азии», М., 1975.

¹² Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 году, «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», № 9, СПб., апрель 1909, стр. 27; см. также «Этнографическое обозрение», 1909, № 4, стр. 172.

¹³ См.: О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 43, 44, 49; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 44, 45; Т. Д. Баялиева, Доисламские верования и их пережитки у киргизов, Фрунзе, 1972, стр. 130, 131.

¹⁴ Вообще пари представляются в Ферганской долине обычно в виде женщины. Распространено мнение, что «пари мужчинами не бывают».

¹⁵ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 356.

среднеазиатского шаманства с сибирским несомненно, но в этом случае можно предполагать у обычая и местную почву¹⁶. Превращение пола будто было знакомо и скифам: древние авторы пишут о женоподобных гадателях «энареях», имевших жреческие функции¹⁷. И вряд ли это игра случая, что известия о шаманах, надевающих женское платье, исходят только из двух регионов (Хорезм, Фергана), для которых свойственны многие традиции древнего оседлого населения. Могу добавить, что, работая в Джизакской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях, я обычно показывал всем своим собеседникам помещенные здесь фотографии. Люди лишь пожимали плечами: они никогда не слышали, чтобы мужчина, пускай он и шаман, облачался в женское платье.

Не свидетельствует ли женское платье среднеазиатских шаманов о том, что в глубокой древности шаманский культ находился исключительно в женских руках и лишь со временем к участию в нем были допущены мужчины? При стойком консерватизме культа не требовалось ли от новых служителей сохранять привычный облик жрицы? Пока еще слишком мало фактических данных, чтобы принять эту гипотезу. Как известно, Л. Я. Штернберг подобное предположение отвергал¹⁸. Однако те, кто считает гипотезу достойной внимания, найдут для себя опору в работах, подтверждающих широкое распространение в первобытности божеств женского пола. В частности, стоит упомянуть одну статью, в которой сделана попытка подытожить данные археологии, этнографии и сравнительно-исторического религиоведения¹⁹. Чем интересна статья? Автор, не сторонник концепции матриархата и первичности материнского рода, избегающий ссылок на работы советских исследователей, счел все же возможным заключить: «мать-богиня является первой известной фигурой в религиозном пантеоне человечества». Такой вывод заслуживает внимания в свете поверья, что духи заставляют своих служителей уподобиться им.

...Автобус петлял по тряской дороге предгорий. Машина времени еще не изобретена, и этнографу, отправляющемуся на встречу с ушедшими веками, приходится пользоваться обычным транспортом. В полупустом автобусе группа узбечек с узлами и младенцами на руках сосредоточенно обсуждала чью-то семейную жизнь. Неутомимая Рассудова уже выспрашивала у соседа-старика, откуда он родом и как в его селе понимают такой-то термин. Вот порыжелые холмы остались позади, и мимо окон поплыл типичный пейзаж Ферганской долины: нарядные кишлаки с минаретами тополей, сады, охваченные последним буйством осенних красок, зеленые штрихи хлопковых полей. Я думал о том, что экзотика существует не только в дальних странах, где теплые моря и пальмы, непроходимые джунгли и крокодилы. Сколько еще можно увидеть совсем рядом такого, что поражает своей неожиданной несовместимостью со всем привычным и знакомым! Стоит лишь порой войти в чужой дом или перекинуться несколькими словами с человеком, которого раньше не знал...

Роза Якубовна тронула меня за рукав.

— Я обижена на вас,— сказала она почти серьезно.— Почему вы не сфотографировали меня вместе с Ташматом?

¹⁶ Такую точку зрения уже высказывал С. П. Толстов, комментируя сообщение А. Н. Самойловича. См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 324.

¹⁷ Подробнее см. А. М. Хазанов, Скифское жречество, «Сов. этнография», 1973, № 6.

¹⁸ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 160.

¹⁹ A. Hultkrantz, Bachofen and the Mother Goddess, «Ethnos», 1961, № 1—2.